

М.И. КАДЕЕВА

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА ИДЕАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ НОРМЫ В ОБЫДЕННОМ И НАУЧНОМ СОЗНАНИИ

Актуализируемый в ряде гуманитарных дисциплин исследовательский интерес к изучению способов концептуализации действительности, формирования и презентации знаний о мире стимулирует обращение к междисциплинарной категории сознания. Фокусировка неослабевающего внимания ученых с древнейших времен до наших дней на феномене знания и сознания, расчленяемого в зависимости от характера знакового опосредствования по меньшей мере на несколько уровней, из которых основными, очевидно, являются уровень *научного* и уровень *обыденного* сознания, выдвигает на первый план поиск адекватных приемов и методов выявления закономерностей и регулярностей с позиций организации и структурирования в них знания, а также дальнейшего совершенствования процедур их анализа.

Став предметом изучения когнитивной лингвистики, проблема соотношения уровня научного сознания, наименее отмеченного национально-культурной спецификой, и уровня обыденного сознания, где эта специфика присутствует во всей полноте, из числа одного из приоритетных философско-психологических объектов переходит в категорию лингвистическую. Однако, долгое время в истории науки задача демаркации обыденного и того, что называют научным знанием, решалась неоднозначно: научное сознание признавалось истинным и прогрессивным, а обыденное – ложным и регрессивным. Обыденное сознание выступало лишь фоном в научных теориях, своеобразным контекстом для описания других видов сознания. Только в когнитивных исследованиях начинают разрабатываться теоретические основания для анализа обыденного и научного сознания с точки зрения их места в структуре сознания, взаимодействия научного и обыденного отражения действительности. Целью настоящей работы является исследование и систематизация представлений о концепте идеальной и реальной языковой нормы, получившей отражение в обыденном метаязыковом сознании носителей языка и ставших предметом научной рефлексии в ряде лингвистических работ.

Концепт *идеальной языковой нормы* соотносится с металингвистическим конструктом статичной синхронии. Роман Якобсон, осмысливая оппозицию «*синхронии/диахронии*», пришел к выводу, что между этими понятиями нет непроходимой пропасти. По его мнению, отождествление «синхронии – диахронии» с противопоставлением «статика – динамика» является ошибочным: действительная синхрония всегда динамична, поскольку изменения в языке совершаются непрерывно [1]. Статичная синхрония есть абстракция, необходимая лингвисту для определенных целей.

Представление разных версий категории *идеальной нормы* находит отражение в работах А.М.Пешковского, А.Едлички, Е.Н.Ширяева. Так, А.М.Пешковский связывал «языковой идеал» с «литературным наречием», полагая, что человек, избежавший влияния школы, не имеет представления об образце и отступлениях от него [2]. Однако, с точки зрения Ж.Вандриеса, стремление к языковому идеалу пытается реализовать в своей речи каждый носитель языка: «В говорах наших крестьян <...> правила более строги, чем в языках, усвоенных из грамматик. В языках письменных иногда бывают колебания, споры <...> Говорящие же на говорах почти никогда не колеблются» [3, 392].

Исследуя характеристики идеальной нормы, А.М.Пешковский отмечал такие ее черты, как *консерватизм*, *локальность* и *ясность*. Требование *постоянства*, предъявляемое всем литературным языкам и мешающее им эволюционировать, обусловлено их назначением: литературный язык, в отличие от разговорной речи, должен объединять века и поколения, создавать условия для существования единой мощной многовековой национальной литературы, обеспечивая тем самым устойчивость ортологических образований. Если консерватизм объединяет народ во времени, то *ориентация на языковой центр* объединяет его в пространстве. Языковой идеал всегда является местным: к примеру, носители русского литературного языка ориентируются на московскую речь, французы – на

речь Парижа. Наконец, наиболее общепризнанной и интенсивно сознаваемой чертой литературно-языкового идеала выступает после правильности *ясность*, поскольку затрудненное понимание есть необходимый спутник литературно-культурного говорения.

Описанные А.М.Пешковским параметры идеальной нормы позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, требование ясности, имеющее отношение не столько к системе норм, сколько к создаваемым в рамках литературного языка высказываниям, более непосредственно связано с прагматикой, чем две первые характеристики. Во-вторых, исследователь не разграничивает синхронический и диахронический аспекты; в частности, отмеченное им равенство на локальный центр значимо в плане генезиса нормы, но не в плане ее функционирования в синхронии. В-третьих, не совсем убедительным представляется противопоставление литературных и естественных наречий в свете описанных качественных критериев, поскольку носители диалектов (в том случае, конечно, если они оценивают свой язык как престижный) стремятся воспроизводить ортологические образования предков. Что касается локальной маркированности, то в настоящее время этот признак соотносится с нормами диалектными, а не литературными, хотя, впрочем, между ортологическими образованиями литературной и других форм существования языка не исключаются некоторые различия.

Согласно концепции чешских лингвистов, специфику литературных норм следует искать не столько в качественных, сколько в количественных характеристиках: нормы литературного языка отличаются от диалектных по степени осознанности и обязательности, причем имеют не только негативный, но и позитивный характер, заключающийся в стилистической дифференциации нормативных реализаций [4]. Развитие данной концепции представлено, в частности, в работах А.Едлички, согласно которым к литературной норме предъявляются требования *устойчивости*; *относительного единства*, обусловленного социальной и территориальной немаркированностью; *функционального расслоения* [5]. Отмеченные им устойчивость и единство нормы соотносятся с *консерватизмом* и *локальной ориентированностью*, рассмотренными А.М.Пеш-

ковским в качестве характеристик литературно-языкового идеала.

Взгляды А.Едлички во многом совпадают с позицией Е.Н.Ширяева, выделившего *консерватизм*, *территориальную всеобщность* и *безвариантность* идеальной нормы [6]. Первый признак соответствует требованию *устойчивости* у А.Едлички, а два последних соотносятся с тенденцией к *единству*. Недостижимость считать все три параметра проявлением стремления к универсальности позволяет признать идеальную норму нереальной. По выражению Ж.Вандриеса, «это – сила в действии, определяемая целью, к которой она движется; это – действительность в возможности, не завершающаяся актом; это – становление, которое никогда не завершается» [3, 393]. Функционирование ортологической системы сдерживает проявление ее идеальных качеств. Образцы никогда не бывают универсальными и пригодными для любой эпохи, поскольку, будучи исторически и общественно обусловленными явлениями, они связаны с конкретными социолингвистическими ситуациями. Учитывая это, Ф.Данеш пишет, что идеал совершенно стабильного и единообразного литературного языка является ложным и несостоятельным, а категория универсальной языковой нормы – фиктивной [7]. В российском языкознании подобную позицию заняли В.Г.Костомазов, А.А.Леонтьев [8].

Решения А.Едлички и Е.Н.Ширяева по этому вопросу не столь радикальны. По их мнению, идеальные ортологические параметры нужны, но их нужно рассматривать в диалектическом отношении к оппозиционным характеристикам. А.Едличка указывал, что требование *стабильности* следует привести в соответствие с естественной *изменчивостью* языковых образований, а стремление к *единству* ограничить признаком *вариантности*. Однако для параметра *функциональное расслоение* оппозиционный признак не определен, что свидетельствует, очевидно, косвенно о том, что тенденция к дифференцированности нормы не может стоять в одном ряду с требованиями *устойчивости* и *единства*. Кроме *динамичности*, у Е.Н.Ширяева в качестве противочленов идеальных параметров названы *вариантность*, связанная с изменением языковой системы во времени, и *локальность*, обус-

ловленная ее сдвигом в пространстве (т.е. варианты и локальные реализации различаются в плане генезиса). Но, поскольку в синхронии они функционируют одинаково, *локальность* можно рассматривать как частный случай *вариантности*. Итак, реальная норма, в отличие от идеальной, является динамичной и вариантной, поэтому оптимальные ортологические образования должны обладать признаком «гибкой стабильности» [9].

Вместе с тем возможность соотнесения с категорией нормы *динамичности* и *вариантности* многим носителям языка не кажется очевидной. В.М.Алпатов пишет, что представление об изменчивости языков (а значит, и их норм) не было свойственно ни одной из лингвистических традиций, в рамках которых язык понимался как дар высших существ [10]. В свете такой установки все наблюдавшиеся расхождения между языковым идеалом и реальной языковой практикой трактовались как «порча языка», поскольку человек не может усовершенствовать божий дар, но в состоянии полностью/частично его утратить. Филологи видели свою задачу в том, чтобы вернуться к старой норме, к языку, сотворенному богами, и не допустить проникновения в него «вульгарных образований». Однако идея историзма, появившаяся в языкознании XVIII в. и господствовавшая в XIX в., не означала исчезновения стремления к ортологической незыблемости. Убеждение в том, что норма должна быть неизменной, лежала в основе всех пурификаторских тенденций. Ригоризмом отличались, например, рекомендации словарей правильности русской речи XIX – нач. XX вв., авторы которых воспринимали норму данной и описанной в соответствующих пособиях и словарях. Материал, извлеченный из устной и письменной речи, если он противоречил кодифицированным предписаниям, объявлялся ошибочным и запрещался [11].

В целом такой подход соответствует обыденным металингвистическим установкам. Как писал в этой связи Л.В.Щерба, «в нормативной грамматике язык зачастую обычно представляется в окаменелом виде. Это отвечает наивно-обывательскому представлению: язык изменялся до нас и будет изменяться в дальнейшем, но сейчас он неизменен» [12]. Такое положение обусловлено несколькими причинами. Во-первых,

языковые нормы изменяются медленно, для существенных, ощутимых ортологических сдвигов обычно недостаточно жизни одного поколения. Во-вторых, все новое, непривычное, входя в речевую практику, нарушает привычность, автоматизм пользования языком, и поэтому вызывает настороженное отношение. В-третьих, сдвиги нормы не даны носителям языка в непосредственном ощущении. Как утверждал Х.Шухардт: «Движение действительно, покой воспринимаем». Сформулированный с позиций гносеологии тезис Л.Н.Гумилева позволяет понять, почему это происходит: непосредственному наблюдению доступны не сами предметы, а их границы [13]. Это означает, что обыденному метаязыковому сознанию нормы даны в стиле, которая «ограничивает» их динамизм. В-четвертых, не исключено, что носители языка соотносят языковые ортологические образования не только с концептом *правильности*, но и с концептом *верности*. Различия между ними выявлены Н.Д.Арутюновой, которая указывает, что модель мира может быть представлена в двух формах: 1) в виде эксплицированных законов, правил, общих схем; это конструкт, отношение к которому устанавливается методом экспертизы; 2) как истинный прообраз мира, постигаемый интуицией [14]. Каждая из этих моделей задает свой метод верификации и свою область суждений. Так, отношение к модели-конструкту определяется предикатом *правильно*, а отношение к модели-образу предикатом *верно*, что соответствует этимологической связи первого с *правилами*, а второго – с *верой*, *истиной*. Концепт *правильности* не имеет твердой точки опоры, поскольку его расшатывают факторы условности правил, наличия разных систем правил, возможности выбора действия (хода) в рамках одной системы правил (принцип игры). На иную модель мира и на другой способ его постижения ориентирован концепт *верности*, соотносящий суждение с сущностью бытия, поэтому здесь действует не дихотомия «*правильности/неправильности*», а «*подлинности/мнимости*», которая подводится под оппозицию «*истинности/ложности*».

В сознании носителей языка нормы соотносятся с обеими концептуальными сферами. Именно поэтому, когда возникает потребность в ортологической квалификации того или иного язы-

кового факта, «наивные пользователи языка» спрашивают не только «Как правильно?», но и «Как нужно?», надеясь при этом получить единственно верный ответ на поставленный вопрос. Причину такого стремления к однозначности исследователи склонны видеть в орфографоцентрическом языковом сознании, формируемом в школе. Так, по мнению Н.Д.Голева, сближение языка с правилами металингвистического типа порождает у школьников представление о «правильности» языка [15]. На фоне такой установки трудно формируется собственно научное видение языка, которое составляют идеи синхронности/диахронности, системности, вариативности, переходности, языкового поля; затруднено формирование более общих ментальных принципов, например, таких, как открытость многих научных вопросов, естественность плюрализма мнений и множественности решений. Вместе с тем, если бы дело было только в отождествлении языковой системы с системой правил, то мысль об условности норм и, следовательно, множественности нормативных решений воспринималась бы носителями языка без особых затруднений (по аналогии с мыслью о том, что могут существовать, например, разные системы правил дорожного движения). Модели-конструкты, компонентами которых являются правила, не столько познаются, сколько создаются, поскольку, как утверждает Н.Д.Арутюнова, их творцом является сам человек. Это дает ему право не только на варьирование, но и на сознание того, что такое варьирование возможно. Нормы языка идентифицируются обыденным сознанием как объект, имеющий несколько иную природу, поскольку они, с точки зрения Ю.М.Скребнева, узуальны, а не истинны [16]. Такое очевидное для научного знания соотношение нормы со сферой истины, которая существует предвечно, а не творится человеком, скрывает, однако, от нерелефлексивных пользователей языка релятивность ортологических образований.

Помимо «обывательского», существует иной, «объективный», подход, в рамках которого выявляется, что языковая норма не принадлежит целиком и полностью к идеальному, «должному» миру, но является средоточием двух областей – деонтической и онтологической, будучи, как и другие социальные нормы, в терминологии М.И. Бобневой, реальностью деонтического [17].

Язык есть семиотическая система, которая функционирует лишь потому, что приспосабливается к изменяющимся потребностям говорящих. Колебания обязательно отражаются в синхронии: в течение определенного промежутка времени исходная и конечная точки сдвига одновременно наличествуют в речи членов языкового коллектива. Это значит, что в языке и его норме присутствуют выбор и динамика. Ю.М.Лотман считал, что эти параметры отличают семиотические системы от несемиотических, существующих, главным образом, в сфере физиологии – в той области, которая объединяет человека с животным миром [18].

Таким образом, в ходе обыденного и научного осмысления диалектической сопряженности стабильного и изменяющегося, инвариантного и вариативного в функционирующей ортологической системе возникает понятие идеальной языковой нормы. Идеальная норма отражает колебания представлений носителей языка о телеологии нормализаторских процессов в диапазоне «абсолютная унификация – гибкая стабильность». Систематизация представлений о параметрах идеальной и реальной языковой нормы, получающих отражение в обыденном и научном метаязыковом сознании носителей языка и эксплицируемые в их устных и письменных высказываниях, позволяет сделать вывод, что, поскольку норма не принадлежит целиком и полностью «должному» миру, а является реальностью деонтического, ее идеальные параметры – *консерватизм* и *инвариантность* – определенным образом коррелируют с оппозиционными признаками вариативности и динамизма, обеспечивая развитие функционирующей ортологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон Р.О.* Выступление на 1-м Международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С.395-402.
2. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С.288-299.
3. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Учпедгиз, 1960. С.386-404.

4. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культуры // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С.338-377.
5. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1987. С.38-134.
6. *Ширяев Е.Н.* Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.13-21.
7. *Данеш Ф.* Позиции и оценочные категории при кодификации // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1987. С.281-295.
8. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания. 1966. №5. С.3-15.
9. *Матезиус В.* О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С.42-69.
10. *Аллатов В.М.* История лингвистических учений. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 368 с.
11. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
12. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 134 с.
13. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Миппель и Ко», 1993. 328 с.
14. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
15. *Голев Н.Д.* Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.338-348.
16. *Скребнев Ю.М.* К вопросу об ортологии // Вопросы языкознания. 1961. №1. С.140-142.
17. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 312 с.
18. *Лотман Ю.М.* О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста // Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту, 1969. С.478-482.

Резюме

Мақалада тілді тасымалдаушының метатілдік санасына бейнеленген және ғылыми рефлексіні пәніне айналған идеальды және реальды тіл нормасының параметрін жүйелеуге арналған.

Summary

The article is aiming the ideal and real language norm parameters representation systematization, which have been reflected in the ordinary meta lingua consciousness of the native speakers and now are the topic of the scientific discussion.